

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ «РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ»

© 2016 г. Т. В. Говенько

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 10 июля 2016 г.

Аннотация: Немецкие поселения возникали в России еще со времен Древней Руси, однако наиболее крупные колонии появились после «Манифестов» императрицы Екатерины Второй. Заселяя земли Поволжья, Новороссии, Крыма, Закавказья, Сибири, немецкие колонисты «вывезли» из Германии язык, обычаи и традиции, песни и сказки, предметы быта, музыкальные инструменты, национальную одежду, кухню, т. е. все те идентификационно-этнические коды, которые связывали их с исторической родиной и одновременно отличали от соседних народов. Замкнутая система автономной жизнедеятельности немецких колоний в России, длительная изоляция от своей нации, «материнского» культурно-исторического ядра, невозможность обновления за счет его средств способствовали консервации языка, элементов традиционной культуры переселенцев в чужеродной среде. Вегетация осуществлялась за счет внутренних ресурсов и ресурсов соседних народов, что привело к трансформации «народного духа и нравов». Новая субэтническая группа «российских немцев» занимала довольно высокий процент в составе населения дореволюционной России, однако в начале XX в., в связи с неблагоприятными политическими и военными событиями, по отношению к немецкому народу были применены административно-волеаристические меры со стороны государства, положившие начало разрушению данного этнического ареала, культурных, социальных и экономических условий для его развития. В дальнейшем это положение усугубили режимная политика, нападение фашистской Германии на СССР, нежелание государства сохранить эту этническую группу в благоприятном состоянии. В 90-х гг. XX в. немцы массово переселяются в ФРГ. За последние 20 лет их численность в России сократилось в 7 раз. В Германии перед «российскими немцами» остро встал вопрос самоопределения. И если до начала XX в. их эритажным языком была, как правило, одна из диалектных форм немецкого языка, то в конце XX в. для многих «российских немцев» эритажность приобрели русский язык и русская культура. Немцы, проживающие в России сегодня, активно интегрируют с современной Германией, компенсируя таким образом утраченную в XX в. самобытность.

Ключевые слова: история, культура, традиции, язык субэтнической группы немцев в России.

Информация об авторе: Татьяна Владимировна Говенько — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: govenko@mail.ru

ON THE PRESERVATION OF CULTURAL AND ETHNIC IDENTITY OF “RUSSIAN GERMANS”

Tatiana V. Govenko

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: July 10, 2016

Abstract: German settlements in Russia have been known since the ancient times, however larger settlements appeared only after the “Manifesto” issued by Empress Catherine II. Settling in Volga Region, Novorossiia, Crimea, the Caucasus, and Siberia, German colonists preserved German language, customs, traditions, songs, tales, household items, musical instruments, costumes, and cuisine — all those identity and ethnic codes that tied them to their historical homeland and, at the same time, distinguished them from the neighboring nations. Autonomous and closed character of German settlements in Russia, their long-term isolation from their nation and its cultural and historical core as well as the impossibility of modernization in step with their historical motherland contributed to the preservation of language and elements of the immigrant traditional culture in the alien environment. Vegetation was carried out at the expense of inner resources and those of the neighboring nations leading to the transformation of “the national spirit and manners.” New sub-ethnic group of “Russian Germans” formed a considerable part of the pre-revolutionary Russian population but at the beginning of the 20th century, due to the unfavorable political and military circumstances, the state forced administrative sanctions on German population that led to further destruction of the ethnic area as well as of the cultural, social, and economic conditions necessary for its development. Later, this situation got worse due to the Stalin regime, Nazi attack on the Soviet Union, and general reluctance of the state to preserve this ethnic group in a favorable condition. In the 1990s, Russian Germans massively resettled in Germany. Over the past 20 years, the number of the settlers has decreased by seven times. In Germany, “Russian Germans” faced the question of self-identity. If until the beginning of the 20th century their heritage language had been one of the German dialects, at the end of the century, Russian language and culture have become heritage for Russian Germans. Germans living in Russia today actively integrate with Germany compensating for the loss of their unique identity in the 20th century.

Keywords: history, culture, traditions, language of sub-ethnic group of Germans in Russia.

Information about the author: Tatiana V. Govenko, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia E-mail: govenko@mail.ru

В следующем, 2017 г. немцы в России будут отмечать 255-летие своей истории, хотя она и началась задолго до знаменитого Екатерининского «Манифеста» 1762 г. Еще князь Ярослав Мудрый приглашал германцев в качестве специалистов в Древнюю Русь и положил начало традиции династических связей русских правителей

с правящими домами Германии, женив одного из своих сыновей на германской принцессе Кунигунде. Уже тогда из германских земель в Россию уезжали в основном специалисты: аптекари, врачи, архитекторы, ювелиры, металлурги, теологи, правоведы, военные. Немецкие диаспоры укоренялись в крупных городах: Киеве, Великом Новгороде, Владимире, Костроме, Твери, Казани, Архангельске.

Особенную благосклонность к немцам имела Москва: в 1652 г. царь Алексей Романов выделил для Немецкой слободы государственную землю на правом берегу Яузы. Застраивалась она двух- и трехэтажными домами с покатыми островерхими крышами, покрытыми тесом. Рядом с домами красовались сады, цветники, беседки, пруды и мостики. На улицах сооружались мостовые. В дома из Европы завозили изысканную мебель. Одежда, кухня, напитки немцев также соответствовали западноевропейским традициям. В слободе были свои школы, театры, кирхи. Указом царя иностранцы освобождались от повинностей и налогов, что давало им правовые и материальные преимущества перед русскими.

Политика по отношению к немцам оставалась лояльной и в период правления Софьи Алексеевны. Еще больше привилегий они получили при Петре Первом. Молодой и амбициозный царь в апреле 1702 г. издал «Манифест», приглашающий в Россию иностранцев для службы в государственной, экономической, военной, культурно-просветительской сферах. В годы правления Петра в России проживало около 18 000 немцев.

В XVIII в. в результате воинских побед над Османской империей территория Российского государства значительно расширилась, однако существующая крепостническая система затрудняла переселение русских крестьян на новые земли. В 1752 г., по примеру отца, императрица Елизавета задумала проект о приглашении иностранцев заселить «новые» земли вдоль рек Волги и Терека. Манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» был подписан 4 декабря 1762 г. ее преемницей, Екатериной Второй — чистокровной немкой, а 22 июля 1763 г. в силу вступил еще один манифест «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах». Враждебный настрой европейских держав к колониационным мероприятиям Екатерины вскоре заставил ее прекратить действия «Манифестов», однако с 1763 по 1766 гг. в Россию успело выехать около 30 000 человек. Всех желающих встречали в немецком городе Любеке, морем перевозили в Санкт-Петербург, а потом сухопутным или речным маршрутами отправляли на постоянное место жительства. Большинство приезжих выбирали деревни Поволжья, и к середине XIX в. здесь уже насчитыва-

лось более 100 немецких колоний [3; 6; 7; 8; 17; 20; 25; 27]. В основном их населяли выходцы из Гессена, Пфальца и Вюртемберга.

Победа России над турецким флотом и присоединение к ней Северного Причерноморья и Крыма вызвали новую волну немцев-колонистов. С 1786 по 1789 гг. в Новороссии поселилось около 1400 лютеран и около 2000 меннонитов из Данцига, попавшего в сложное экономическое положение после аннексии польских территорий Пруссией в 1772 г. Примерно 300 католиков из Баварии осели близ города Ямбурга на Днепре [13], 6800 рейнских колонистов и 250 швейцарских немцев — в Крыму. Всего с 1803 по 1836 гг. в Херсоне возникло 40 новых колоний, в Хортице — 17 [9].

В отличие от колонистов первой волны, «причерноморские немцы» привезли с собой более совершенную, чем была у русских и украинских крестьян, сельскохозяйственную технику, умело применяли удобрения. Модифицируя местные орудия труда, колонисты успешно производили и продавали трехлемешный плуг, жатвенные, мукомольные и прочие машины. В середине XIX в. в Причерноморье насчитывалось 13 заводов сельскохозяйственной техники, собственниками которых были немецкие предприниматели.

В 1817–1818 гг. немцы активно мигрируют на завоеванные русскими земли Закавказья. Инициатором этого мероприятия стал сам генерал А. П. Ермолов. Обустройство поселенцев в Закавказье потребовало от российского правительства больших расходов. К 1823 г. сумма выплат им составила 1 065 642 руб. серебром. Однако быстрых результатов, ожидаемых от колонистов, достигнуто не было. Неблагоприятными факторами в этом регионе оказались тяжелые климатические условия, малочисленность колонистов, религиозный и языковой барьеры в отношениях с местным населением, различия в хозяйственном и культурном уровнях, ментальность, частые эпидемии и землетрясения. Многие немцы из Закавказья возвращались на родину или переезжали в другие регионы России. Те, кто остались, занимались в основном виноделием, табаководством, шелководством, промышленным выпуском минеральной воды.

После реформ Александра II и отмены крепостного права немцы были лишены практически всех, имеющихся у них льгот и привилегий. Однако первые серьезные потрясения настigli немецкий народ в Первую мировую войну, когда они стали заложниками межгосударственных отношений России и Германии. Репрессии начались с немецкого погрома, случившегося в Москве 27 мая 1915 г. С июня по декабрь 1915 г. на восток были переселены «волынские немцы», проживающие западнее реки Днепр. Под запрет попали все немецкие общественные организации, немецкая пресса, язык,

была проведена депортация немцев из прифронтовых районов, в Поволжье ликвидировали немецкую топонимию. В 1916 г. было принято Положение Российского правительства по борьбе с немецким засильем.

После революции 1917 г. немцы получили статус автономии: в 1918 г. была образована Автономная область немцев Поволжья, а в 1924 г. она преобразовалась в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья с населением примерно 600 тыс. человек. Однако именно в этот период немцы теряют объективные предпосылки для развития особенностей своей этнической группы: систему административного управления немецких поселений; собственность на землю и орудия труда; принципы ведения хозяйства; религию (антирелигиозная политика нового правительства лишила немцев одного из самых главных идентификационных признаков внутреннего деления на субэтнические группы — до этого католики, лютеране, баптисты, менониты, пятидесятники, сепаратисты и прочие религиозные общины проживали на территории России независимо друг от друга); язык (национализация 1938 г. системы образования допускала общение на немецком языке только внутри семьи); свободу (только с 1937 по 1939 гг. было репрессировано свыше 70 000 немцев — средний процент расстрелянных составил 76,14%, остальные 23,86% пополнили ГУЛАГ).

Положение «российских немцев» значительно ухудшилось с началом Великой Отечественной войны. Постановлением Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) от 26.08.1941 г. все немецкое население городов и сельской местности Европейской части страны, в том числе Украины, Белоруссии, Прибалтики, было депортировано в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию и Северный Казахстан. Между тем Луи де Ионг в книге «Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне» свидетельствует, что «среди обнародованных немецких архивных документов нет ни одного, который позволил бы сделать вывод, о том, что между Третьим Рейхом и немцами, проживающими на Днестре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщические связи» [14, с. 360].

Вот что вспоминает об этом времени Софья Лоос, ей было тогда 15 лет: «Переезд в Сибирь длился больше месяца в вагонах для перевозки скота. Условия были ужасными. Холод, голод. Дети и немощные старики умирали в дороге. Когда мы приехали, то стали рыть землянки. Каждую ночь мне снился наш дом в Маркштадте». Эмме Гартман было 9 лет, когда «ночью родителей вместе с другими взрослыми забрали, а мы — дети еще неделю ходили по деревне в слезах

и растерянности. В каждом дворе отчаянно мычали коровы, выли собаки, кудахтали куры. А потом за нами приехал грузовик и развез по детским домам, где нас били и обзывали фашистами». Людмила Гизингер до сих пор помнит, как дети кричали ей: «Тебя Гитлер прислал наших отцов убивать?» Мстили за убитых фашистами только потому, что мы говорили на немецком языке»¹.

Взрослых, кто сумел выжить в набитых до предела составах, мобилизовывали в так называемые «Трудармии». Люди в возрасте от 16 до 60 лет с 1941 по 1946 г. жили в бараках, без паспортов, за колючей проволокой. Под конвоем работали на лесозаготовках, в шахтах, на строительстве заводов и железных дорог, на нефтекомбинатах и фабриках. Мужчины и женщины детородного возраста в течение 10 лет были оторваны друг от друга, что также повлияло на нарушение естественного воспроизводства этноса.

Из воспоминаний Тамары Ильиных-Виттенбург: «Когда забрали в трудовую армию, то сразу изъяли паспорт. Привезли в Новосибирск на кирпичный завод. Моя работа заключалась в том, чтобы 12–14 часов в сутки на лошади возить глину в формовочный цех. Уставали очень, а жили в маленьких комнатках по шесть-семь человек. Заедали вши: и головные, и платяные. Через год меня определили на строительство аэропорта. Там стало совсем невмоготу, и я сбежала. Беспаспортную меня быстро нашли и посадили в тюрьму».

Чтобы эти страницы истории не пропали бесследно, лаборатория «Исторической информатики» Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии в 2000 г. приступила к созданию «Книги памяти» немцев-трудармейцев. Сегодня в ней около 70 000 персоналий.

После окончания войны, в 1948 г., вышел Указ, согласно которому немцы не имели права возвращаться на прежние места жительства и за побег им грозил срок на 20 лет лишения свободы. Лишь с 1955 г. немцам стали выдавать паспорта, а 29 августа 1964 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, снимающий с них обвинения «в пособничестве агрессору», а право возвращаться на родину они получили только в 1972 г. Правда, возвращаться им было некуда: многие немецкие населенные пункты во время войны были разрушены. В 1979 г. правительство предполагало сформировать Немецкую автономную область в Казахстане с центром в г. Ерментау, однако осуществиться этим планам помешали массовые протесты казахского населения. После распада СССР лидеры немецких диаспор обратились с просьбой к российскому правительству вос-

¹ Интернет-ресурс «Московской Немецкой Газеты». URL: <http://www.ru.mdz-moskau.eu/u-menuya-net-zla-ni-na-kogo/> (дата обращения 15.05.2016).

становить Автономную Республику немцев Поволжья. В апреле 1991 г. Б. Н. Ельцин подписал Указ о признании немецкого народа реабилитированным, но добиться территориальной автономии не удалось. На этой волне граждане немецкой национальности, воспользовавшись положениями Договора о добрососедских отношениях, партнерстве и сотрудничестве между ФРГ и СССР 1990 г., начали массово уезжать в ФРГ. Итог: по данным Всесоюзной переписи населения в 1989 г. немцев насчитывалось 2 038 603 человека, по данным Всероссийской переписи 2002 г. — 597 212 человек, 2010 г. — 394 138 человек.

Важную роль в сохранении культурного наследия немцев-колонистов сыграли ученые-путешественники, статисты, учителя конца XVIII — начала XX вв. Феномен этнокультуры «российских немцев» с большим интересом изучал В. М. Жирмунский (1891–1971). В Саратовском университете, под влиянием Г. Дингеса, А. Дульзона [6], П. Зиннера, Жирмунский увлекся диалектологией, а именно диалектами «российских немцев». Блестяще владея немецким языком, В. М. Жирмунский с группой студентов из Петроградского университета с 1924 по 1927 гг. провел ряд комплексных экспедиций по изучению истории, этнографии, народной песни и языка немецких колоний на Неве, в Новгородской и Псковской областях, а также на Украине, в Молдавии, в Крыму и в Закавказье. Собранные материалы легли в основу фундаментальных исследований В. М. Жирмунского в области немецкой диалектологии, где им подробно были изучены и описаны так называемые «языковые острова» диалектов «российских немцев» [9; 10; 11]. Огромный корпус полевых материалов хранится в архиве ученого, но до сих пор до конца не расшифрован.

Народную песню В. М. Жирмунский называл «явлением быта» и отмечал, что в последние годы поют мало и в основном старики. Возможно, именно это побудило Жирмунского обратить внимание на рукописные песенники (*Liederbücher*) еще поющих немецких семей и составить музыкально-фольклорный сборник песен с нотами баварской колонии Ямбург на Днестре. В 1931 г. стараниями Е. В. Гиппиуса (1903–1985) [25], немца по происхождению, этот сборник увидел свет в Вене под названием «*Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dniestr*» [12].

Примерно в эти же годы большой вклад в сохранение памяти о народной песне немцев Поволжья внес Георг Шюнеман. В своей монографии «*Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland*» [29] он указал на специфичность жанрового репертуара и компонентов музыкальной ритмики волжско-немецких народных песен: мелоса, лада, многоголосия, тембровой исполнительской манеры. Путем

сравнительного анализа Шюнеман выявил типологические формы волжско-немецкой певческой традиции и отметил ее тесную связь одновременно с культурой Германии XVI–XVIII вв. и с культурой соседних славянских, финно-угорских и тюркских народов.

Современный музыковед Е. М. Шишкина в докторской диссертации «Традиционное музыкальное наследие волжских немцев в прошлом и современности» [27] делает неутешительные выводы: после депортации поволжских немцев в Сибирь и Казахстан в 1941 г. и репатриации многих из них в Германию в 1980–2010-х гг. уникальный культурно-исторический песенный материал был практически утерян. В начале XXI в. из репертуара волжско-немецкой музыкальной традиции ушли «солдатские песни», «песни войны», «сословные песни», «колониистская песня», «детские песни», «свадебные песни», в том числе «песни невесты», полностью редуцирован орнаментальный стиль мужского пения. Вслед за Шюнеманом Шишкина утверждает: музыкально-песенная традиция немцев Поволжья остается «гибридом между традиционным пением, сохраняющим особенности немецкой национальной культуры, и волжским русским песенным стилем, с присущими только ему музыкально-ритмическими, ладовыми и многоголосными конструкциями» [27, с. 37].

Об ассимиляционных и интеграционных процессах в культуре «российских немцев» свидетельствует и их питание. Так, еще в XIX в. меню немца-колониста выглядело следующим образом: кофе или чай из злаков с добавлением молотого гороха или фасоли, чай на травах, ягодные муссы, суп из домашней лапши, сладкий суп на молоке из фруктов или сухофруктов (Kirschensuppe, Birnsuppe и т. д.), квашеная капуста, тушеная капуста со свиной, гусь или курица с начинкой, кровяная колбаса, бутерброды с сыром, картофельное пюре, клецки, штрудель, пирог с крошками, варенье из ревеня, физалиса. Позже в рацион добавились русские щи, блины, квас, пельмени, украинский борщ, квашеные арбузы, молдавская мамалыга, тюркские плов, кумыс, айран и многое другое.

Об основных событиях в жизни немцев-колонистов: о рождении детей, крещении, конфирмации, свадьбе, смерти, о религиозных праздниках — судить сегодня достаточно сложно. Объясняется это скудостью публикаций, трудностями поисков материала, недостаточной изученностью темы в научно-теоретических трудах отечественных и зарубежных ученых, отсутствием единой справочной базы. Наиболее цельно фольклористам удалось реконструировать свадебный обряд [18; 23; 26]. Само название свадьбы — Hochzeit, в переводе с немецкого «высокое время» — свидетельствует о том, что германские народы с древних пор относились к свадьбе как

к инициации. Супружество рассматривалось ими как переход в иной социальный, общественный и биологический статус.

Свадебная обрядность «российских немцев» и ее музыкальное наполнение хорошо изучены и описаны Е. Г. Кагаровым, Я. Дитцем, А. Дульзоном, И. Б. Гэфе, Е. М. Шишкиной, Т. Б. Смирновой и др. По мнению исследователей, в переселенческой свадебной традиции немцев Поволжья и Новороссии органично сплелись вербальные, музыкальные, формальные, ритуальные и прочие элементы свадебной традиции Южной и Восточной Германии, русского и украинского народов.

Традиционно любой свадьбе предшествовало **сватовство** (Frei-
gen). Сватать невесту обычно шел в пятницу вечером отец жени-
ха или кто-то из близких родственников, у католиков — крестный
жениха. Темное время суток избиралось специально, чтобы сватов-
ство не сглазили, или, в случае отказа, чтобы никто не увидел вы-
ставленную за дверь дома девушки пустую корзину (Korb). Сваты,
допущенные в дом, сначала говорили на отвлеченные темы, плав-
но переходя к делу («у вас товар — у нас купец»). Отец невесты
мог отказать сватам до трех раз. Когда после уговоров, он все же
соглашался на брак дочери, принято было узнать ее мнение. Если
жених был неместный, на следующий день ехали на **смотрины**
(Brautschau) его хозяйства. Показателем зажиточности являлась
навозная куча: чем она больше, тем богаче жених. О состоявшемся
сговоре (рукобитии, помолвке) (Handschlag) сообщалось в церк-
ви в воскресенье — священник устанавливал день свадьбы, и по-
молвка (Verlobung) считалась состоявшейся. С этого момента же-
них и невеста назывались обрученными. В некоторых поселениях
девушка выделяла своего суженого: она вырезала бумажное сердце,
украшала его жемчужными бусами и прикрепляла тремя перьями
к его фуражке или к шляпе. Этот знак на головном уборе он носил
по воскресеньям и в праздничные дни вплоть до венчания. **Пригла-
шение на свадьбу** почти ничем не отличалось от подобного акта в
украинском свадебном обряде: жених и невеста (вар.: сваты, друзья
молодых, крестные) брали посох, украшенный цветами, и обходили
дворы. Кто собирался прийти на свадьбу, завязывал на шест пла-
ток или ленту — так устанавливалось количество гостей. Вместе с
этим приглашающие на свадьбу собирали посуду для свадебного
стола и угрожали шутивными стихами тем, кто не принесет с собой
столовые наборы, что они будут есть руками. Перед свадьбой про-
водился **девичник и мальчишник («вечер шума» — Polterabend)**,
на котором молодые прощались с вольной жизнью. Вечером моло-
дежь собиралась у кого-нибудь дома, веселилась, пела, танцевала,
била посуду. В этот вечер было важно создать как можно больше

шума, чтобы отпугнуть от свадьбы злых духов. Накануне свадьбы **невеста ходила в баню, а жениху впервые брили бороду** (кстати, аналогичный ритуал перехода во взрослую жизнь бытовал также у армян, крымских татар, греков, болгар и других балканских народов). Утром перед венчанием невесту одевали в родном доме. Свадебный наряд, как правило, был голубого цвета, реже белого или черного. Отрез на платье дарил жених, и в ответ получал от невесты рубашку. Непорочным девушкам на голову надевали венок (Brautschnatz). Делали его кустарным способом из воска, бумаги и бусин. Первоначально свадебный убор состоял из трех частей: головной, наплечной и нагрудной. Свадебный венок символизировал девственность, поэтому вдовы и девицы с внебрачным ребенком выходили замуж без венка. Как свидетельствует Т. Б. Смирнова, «в Сибири на свадьбе, если невеста выходила замуж не девственной, гости могли сорвать с ее головы венок и повязать на нее черный платок. Это считалось большим позором, и свадьба после этого прекращалась» [18, с. 142]. Облаченная в свадебный наряд **дочь прощалась с родителями**, благодарила их за воспитание и любовь. Когда приезжал жених, одетый в темный костюм и светлую рубашку, невесту от него прятали, а в некоторых поселениях даже связывали. Жених **выкупал невесту**, и она прикрепляла на лацкан его пиджака букетик с лентами (Strauss). Чем длиннее ленты, тем продолжительнее будет жизнь супругов, поэтому концы лент часто доходили до земли. Покинув дом невесты, молодые в свадебном поезде отправлялись в церковь порознь, но во время **венчания** перед алтарем стояли, тесно прижавшись друг к другу, чтобы между ними не могло проскочить никакой нечисти. **Свадебный пир** проходил в доме жениха, как правило, два-три дня. Родители жениха встречали молодоженов на пороге своего дома, и в момент их прибытия кто-нибудь из соседей непременно палил из ружья, отгоняя таким образом злых духов. За свадебным столом невеста сидела между двумя шаферами, которые должны были ее угощать и охранять. Жених сидел рядом с шаферами по левую сторону от невесты. Несмотря на это, кому-нибудь все же удавалось украсть туфлю невесты, за которую полагался выкуп. Часто среди стола ставили блюдо с куклой (символом будущего ребенка), и гости клали на него деньги на детское белье. Угощали на свадьбе жарким из баранины или свинины с картошкой, квашеной капустой, куриным супом с домашней лапшой, выпечкой. Мужчины пили водку, женщины — красное вино. Желая оберечь новобрачных от злых духов, их иногда кормили отдельно, или они не ели вовсе. После обеда столы убирались, и начинались танцы. Танцевали польку, вальс, у немцев Поволжья любили русский «казачок» и «камаринскую». В полночь

происходил обряд **снятия венка с невесты**. Невеста и жених садились в центре комнаты, и крестная мать снимала с невесты венок, а вместо него надевала чепец или платок — головные уборы замужней женщины (ср.: заплетание волос «по-бабьи» и надевание женского головного убора у русских, украинцев и белорусов). Обряд мог сопровождаться песней на снятие венка (Kranzabbinden). У жениха **снимали букет** с лацкана пиджака. Гости становились вокруг молодоженов и пели «Schon ist die Jugend» (песня о расставании с молодостью). Венок невесты разыгрывался. На глаза невесте надевалась повязка, и кого она коснется венком, тот скоро выйдет замуж. После венка помещали в футляр со стеклянной крышкой, который обычно вешали на стену над супружеской кроватью. В некоторых местах молодых было принято качать на стульях. Поздно вечером гостей выгоняли. Во второй день свадьбы доминировали развлекаательно-игровые элементы: игры ряженых, шутовская свадьба, танцы и т. д. На третий день приглашали ближайших родственников и благодарили их за помощь.

Оригинальным проявлением немецкой культуры стал обычай «свадьбы мертвых» (Totenhochzeit). Символические свадьбы во время похорон молодых людей, не успевших вступить в брак, были зафиксированы в разных землях Германии (в Гессене, во Франконии, в Любеке, в Баварии и других землях), еще до выхода из них немцев в Россию. Бытование этого обычая встречалось также в Болгарии, Румынии, Сербии. По народным немецким поверьям, каждый человек должен обрести супружескую пару в земной жизни. Чтобы душа умершего упокоилась и не блуждала в поисках своей второй половины, родственники устраивали на похоронах видимость «свадьбы»: обряжали покойника в свадебный наряд, украшали свадебное деревце, пекли каравай, на похороны приглашали музыкантов и гостей, пели свадебные песни, а для младенцев — детские. «Отличительной особенностью этого обычая у немцев является полное отсутствие возрастных границ у мертвых невест и женихов» [18, с. 136]: всех, от грудных младенцев до старых дев и холостых мужчин любого возраста, наделяли свадебными венком (Brautschnatz) и букетиком (Strauss). Гробы «брачующихся» обтягивали тканью белого цвета (у лютеран — голубого цвета) и украшали цветами. «Если умерший — молодой человек, не имел собственного дома, такой “дом” ему делали: могильную яму обмазывали глиной, белили и расписывали орнаментами» [18, с. 138]. Гроб с незамужними девочками и женщинами на кладбище несли неженатые парни. Нередко кто-нибудь из молодежи разыгрывал жениха или невесту умершего. У алтайских немцев и немцев Сибири вплоть до XXI в. мертвых хоронили без обуви: «В рай нужно идти босиком».

Итак, на протяжении нескольких столетий немцы в России представляли собой автономную замкнутую систему благодаря натуральному хозяйству, самостоятельному административному управлению, независимому образованию, иному вероисповеданию. Немецкие колонисты сохраняли свой язык, обряды и традиции, песни и сказки, предметы быта, музыкальные инструменты, национальную одежду, кухню, т. е. все те идентификационные коды, которые связывали их с исторической родиной и одновременно отличали от соседних народов. Длительная изоляция от «материнского» этнического ядра и в связи с этим невозможность обновления за счет его средств способствовала консервации элементов традиционной культуры переселенцев в чужеродной среде. Развиваясь за счет внутренних ресурсов и ресурсов культуры соседних народов (русских, украинцев, молдаван, казахов, татар, мордвы, чеченцев, дагестанцев и многих других) [1; 3; 18; 20; 21; 22]; вступая в контакты с поселенцами других конфессиональных групп, с выходцами из других земель Германии, Голландии, Швейцарии; перестраиваясь и подстраиваясь под исторические условия, на конкретно закрепленных за ними территориях России на протяжении нескольких веков происходило формирование новой субэтнической группы — «российских немцев». Первые колонисты еще называли себя швабами, баварцами, саксонцами, прусскими немцами и т. д. Примерно в середине XIX в., они уже идентифицировали себя по новому, географическому или по конфессиональному признаку: «немцами Вольни», «немцами Поволжья», «немцами Бессарабии», «крымскими немцами», «херсонскими немцами» и т. д. или немцами-лютеранами, немцами-католиками, немцами-меннонитами и т. д. После принудительных мер миграции XX в. «российские немцы» перегруппировались по географическому принципу: «немцы Сибири», «немцы Алтая», «немцы Оренбуржья», «немцы Урала», «немцы Прикамья», «немцы Казахстана» и т. д. [17; 19; 20; 24; 27; 29]. Как пишет Т. Б. Смирнова, современный «российский немец» «может считать себя сибирским немцем, так как он родился и вырос в Сибири, одновременно он считает себя украинским немцем, поскольку его родители приехали с территории Украины, также он может сказать, что он житомирский немец, конкретизируя место выхода переселенцев, и в то же время называет себя швабом, так как говорит на швабском диалекте и знает, что предки его были швабами. Таких вариантов самоидентификации существует огромное количество вследствие того, что неоднократные миграции происходили в течение относительно короткого периода» [19, с. 37].

Динамику изменений во внутренних процессах этноса можно проследить по диалектным атласам. В 20-е гг. на территории СССР

В. М. Жирмунский описал около десяти диалектных групп: верхнегессенский, западнорейнскофальцкий, южнорейнскофранкский, восточнофальцкий, североэльзасский, севернобаденский, швабский, севернобаварский и смешанные говоры. В 80-х гг. Г. Едиг составил новую диалектную карту, согласно которой диалектов стало гораздо меньше: севернобаварский диалект теперь бытовал в основном на Алтае, австрийско-баварский — в Закарпатье, швабский — в Казахстане и в Таджикистане, волинско-немецкий диалект восточносредне немецкого типа в Западной Сибири, на Урале, в Казахстане и в Киргизии. По данным социолингвистического анализа последних лет диалектами пользуются только люди старшего поколения, тогда как молодежь изучает современный немецкий язык в школах и в культурных центрах, и это свидетельствует о том, что «российские немцы» стали воспринимать себя частью немецкого народа, проживающего за пределами Российской Федерации.

Менталитет «российских немцев», сложившийся на протяжении нескольких столетий, сегодня испытывает глубокую трансформацию: утрачиваются признаки этнической идентичности данной группы, к забвению приходят не только большая часть песенного и хореографического фольклорного наследия, обрядовой культуры, народного костюма, национальной кухни, но и сам язык, точнее, его диалекты. Так, например, в Омской области 56,6% сельского населения составляют немцы, однако и здесь наблюдаются «полное уничтожение традиционных культурных комплексов, локальных вариантов обрядов и обычаев, диалектов и появление новых национальных форм культуры, основанных в значительной мере на немецком литературном языке и культуре современной Германии» [19, с. 39]. Чтобы спасти культуру своего народа, в 1991 г. в Москве открылась общественная организация «Международный союз немецкой культуры» (IVDK). Во многих городах России возникли центры немецкой культуры (Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом, Культурно-Просветительский центр российских немцев в Нижнем Тагиле, Немецкий культурный центр Республики Бурятия, Республиканский центр возрождения культуры российских немцев Удмуртской Республики и многие другие). В Омском государственном историко-краеведческом музее сформировалась большая коллекция предметов быта и культуры немцев Сибири. В Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского с 1996 г. работает научно-исследовательская лаборатория этнографии и истории немцев Сибири. В 2006 г. возникла Ассоциация немцев Сибири. В Интернете создаются научно-информационные порталы «российских немцев», появляются новые фольклорные коллективы и хоровые ансамбли. И все же, несмотря на различные реанимационные меры, данный субэтнос в России на-

ходится в критическом состоянии. В 2012 г. представители немецких диаспор обратились с письмом к президенту Российской Федерации В. В. Путину, в котором есть такие слова: «В условиях дисперсного проживания, разрыва этнических связей, дискриминации и неравноправия, российские немцы лишились возможности жить общенациональной жизнью и, вынужденные ассимилироваться, все больше утрачивали свою национальную самобытную культуру и родной язык».

Сохранять эритажность «российским немцам» с трудом удается и в Германии: согласно статистике в настоящее время там проживает около 3 млн немцев — переселенцев из России. Согласно материалам этносоциологических опросов и моих нарративных интервью 1996–2013 гг., Rusdeutsch уезжали из России с чувством возвращения на родину, но, оказавшись в ФРГ, проблему идентификации испытали почти 90% выходцев из России. Самая популярная среди эмигрантов оценка своего положения звучит так: «В России мы были немцами, а в Германии стали русаками». Важно отметить, что интеграция в германское общество представителей второго поколения, как правило, влечет за собой сознательную утрату контактов с Россией и отказ от русского языка.

Итак, как большая переселенческая группа, немцы в России за короткий исторический период прошли все этапы развития, обозначенные Л. Н. Гумилевым в его теории этногенеза [5]:

а) *пассионарная фаза*: активные люди, не согласные с политическими, идеологическими и экономическими условиями своей страны, переселяются на новую территорию и стремятся сохранить и воспроизвести на ней «свои» этнические традиции; они выделяются из окружающего мира поведенческими чертами; в устройстве их общественной жизни доминируют сильные связи внутри диаспоры; часто происходят конфликты с коренным населением;

б) *статистическая фаза*: происходит адаптация к новому ландшафту; положительно воспринимает опыт коренного населения; происходит ассимиляция с новым культурным окружением; достигается ксения — форма нейтрального сосуществования этносов в одном регионе, когда каждая из них сохраняет свое своеобразие; стабильна или растет численность населения; религия, обрядовые традиции, язык передаются из поколения в поколение;

в) *фаза надлома*: этническая система теряет свою целостность из-за внешних факторов; члены этнического коллектива резко ощущают свою чужеродность, изолированность; возникает стремление достичь утраченной положительной комплиментарности даже с непохожими этническими группами;

г) *фаза регенерации*: попытка восстановить этническую систему после исторических катаклизмов; самоорганизация и сознательное

сохранение культурной и этнической идентичности благодаря деятельности общественных и просветительских организаций, поиски связей с «материнским» ареалом.

И хотя «российские немцы» пока еще сохраняют многоуровневую идентичность, национальный и культурный кризис этого когда-то одного из самых многочисленных субэтносов России свидетельствует о проблеме самоопределения, ведущей к ассимиляции с соседними народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бахарева О.Я.* Влияние славянского и тюркского населения на немцев-переселенцев (быт, язык, обряды) // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современные положения: материалы международной научной конференции. М.: Готика, 1996. С. 373–376.
- 2 *Бетхер А.Р.* Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 231 с.
- 3 *Галлер П.К.* Воспоминания: быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX столетия. Саратов: Газета поволжских немцев, 1994. 46 с.
- 4 *Гейгер Н.П.* Тенденции развития словарного состава островных немецких говоров Казахстана (на примере бытовой лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011. 169 с.
- 5 *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс, 2010. 558 с.
- 6 *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. М.: Готика, 2000. 496 с.
- 7 *Дульзон А.* Страстная неделя и Пасха в обычаях поволжских немцев // Обычаи поволжских немцев. Авт.-сост.: Е. М. Ерина, В. Е. Салькова. М.: Готика, 2001. С. 22–36.
- 8 *Ерина Е.М., Салькова В.Е.* Обычаи поволжских немцев. М.: Готика, 2001. 104 с.
- 9 *Жирмунский В.М.* Этнографическая работа в немецких колониях Украины и Крыма // Этнография. 1927. № 2. С. 13–26.
- 10 *Жирмунский В.М.* Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Советский этнограф. 1933. № 2. С. 84–112.
- 11 *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. М.; Л.: АН СССР, 1956. 636 с.
- 12 *Жирмунский В.М.* Проблемы переселенческой диалектологии // *Жирмунский В.М.* Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 491–516.
- 13 *Жирмунский В.М.* Народные песни баварской колонии Ямбург на Днестре / *Volkslieder aus der Bayrischen Kolonie Jumburg an Dnjestr.* Переизд. подг. И. П. Виндгольц. М.: Готика, 1996. 86 с.
- 14 *Ионг Л., де.* Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М.: Изд-во иностранной лит., 1958. 448 с.
- 15 *Курманова С.Р.* Пицца немцев Западной Сибири во второй половине XX — начале XXI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 24 с.
- 16 *Малиновский Л.В.* Жилище немцев-колонистов в Сибири // Советская этнография. 1968. № 3. С. 97–105.

17 Мих А.Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах А. Н. Михом. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1890. 155 с.

18 Смирнова Т.Б. Обычай венчания покойников у немцев Сибири // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 133–144.

19 Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX — начале XX века: формирование и развитие диаспорной группы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009. 46 с.

20 Смирнова Т.Б. Этнография российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2012. 316 с.

21 Рублевская С.А., Смирнова Т. Б. Традиционная обрядность немцев Сибири. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 154 с.

22 Филлимонова Т.Д. Об этнокультурном развитии немцев СССР // Советская этнография. 1986. № 4. С. 100–111.

23 Филлимонова Т.Д. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы. М.: Наука, 1989. С. 3–43.

24 Шишкина-Фишер Е.М. Немецкие народные календарные обряды, танцы и песни в Германии и России: Практическое пособие для российских немцев. Изд. 3-е. М.: Готика, 2002. 328 с.

25 Шишкина Е.М. Наследие Е. В. Гиппиуса и проблемы изучения народной музыкальной культуры немцев Поволжья // Е. В. Гиппиус. К 100-летию со дня рождения. Материалы Всероссийской научной конференции, 1–3 ноября 2003 г. Петрозаводск: Министерство культуры РФ, 2003. С. 12–15.

26 Шишкина-Фишер Е.М. Die deutsche Hochzeit / Немецкая свадьба. М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. 320 с.

27 Шишкина Е.М. Традиционное музыкальное наследие волжских немцев в прошлом и современности: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Саратов, 2011. 47 с.

28 Jedig H. Die deutschen Mundarten in der Sowjetunion // Das Wort. Germanisches Jahrbuch DDR-UdSSR. Zwickau, 1986. S. 92–97.

29 Schünemann G. Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland. München: Drei Masken Verlag, 1923. 446 p.

REFERENCES

1 Bakhareva O.J. *Vlijanie slavjanskogo i tjurkского naselenija na nemcev-pereselencev (byt, jazyk, obrjady)* [The influence of Slavic and Turkish population on German immigrants: manners, language, rituals]. *Rossijskie nemcy. Problemy istorii, jazyka i sovremennye položenija: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Russian Germans. Problems of history, language, and current provisions: conference proceedings]. Moscow, Gotika Publ., 1996, pp. 373–376. (In Russ.)

2 Betkher A.R. *Tradicionnoe hozjajstvo nemcev Zapadnoj Sibiri v konce XIX — pervoj treti XX vv.: Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Traditional economy of the Germans in Western Siberia at the end of the 19th — the first third of the 20th centuries. Abstract of diss. thesis]. Omsk, 2003. 231 p. (In Russ.)

3 Galler P.K. Vospominanija: byt nemcev-kolonistov v 60-h godah XIX stoletija [Memories: the life of German colonists in the 1960s]. *Saratov, Gazeta povolzshkih nemcev* Publ., Saratov, 1994. 46 p. (In Russ.)

4 Gejger N.P. *Tendencii razvitija slovarnogo sostava ostrovnih nemeckih govorov Kazahstana (na primere bytovoj leksiki). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Tendencies in the development of the vocabulary of the island German dialects in Kazakhstan: on the example of everyday vocabulary. Abstract of diss. thesis]. Barnaul, 2011. 169 p. (In Russ.)

5 Gumilev L.N. *Jetnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moscow, Airis-Press Publ., 2010. 558 p. (In Russ.)

6 Dits J. *Istorija povolzshkih nemcev-kolonistov* [History of Volga Region German colonists]. Moscow, Gotika Publ., 2000. 496 p. (In Russ.)

7 Dulzon A. Strastnaja nedelja i Pasha v obyčajah povolzshkih nemcev [Holy Week and Easter customs of Volga Region Germans]. *Obyčaji povolzshkih nemcev* [Customs of Volga Region Germans]. Compilers: E.M. Erina, V.E. Salkova. Moscow, Gotika Publ., 2001, pp. 22–36. (In Russ.)

8 Erina E.M., Salkova V.E. *Obyčaji povolzshkih nemcev* [Customs of Volga Region Germans]. Moscow, Gotika Publ., 2001. 104 p. (In Russ.)

9 Zhirmunskij V.M. *Jetnograficheskaja rabota v nemeckih kolonijah Ukrainy i Kryma* [Ethnographic work in German colonies of Ukraine and Crimea]. *Jetnografija* [Ethnography], 1927, no 2, pp. 13–26. (In Russ.)

10 Zhirmunskij V. M. Itogi i zadachi dialektologicheskogo i jetnograficheskogo izucheniya nemeckih poselenij SSSR [Results and objectives of the dialect and ethnographic study of German settlements in the USSR]. *Sovetskij jetnograf* [Soviet Ethnography], 1933, no 2, pp. 84–112. (In Russ.)

11 Zhirmunskij V.M. *Nemeckaja dialektologija* [German dialectology]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1956. 636 p. (In Russ.)

12 Zhirmunskij V.M. Problemy pereselencheskoj dialektologii [Problems of the resettlement dialectology]. Zhirmunskij V.M. *Obshhee i germanskoe jazykoznanie* [General and German linguistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 491–516. (In Russ.)

13 Zhirmunskij V.M. *Narodnye pesni bavarskoj kolonii Jamburg na Dnepre* [Folk songs of Bavarian colony Yamburg on the Dnieper]. *Volkslieder aus der Bayrischen Kolonie Jamburg an Dnjepr*. Moscow, Gotika Publ., 1996. 86 p. (In Russ.)

14 Iong L., de. *Nemeckaja pjataja kolonna vo vtoroj mirovoj vojne* [German fifth column in the Second World War]. Moscow, Izd-vo inostrannoj lit. Publ., 1958. 448 p.

15 Kurmanova S.R. *Pishha nemcev Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XX – nachale XXI veka. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [German Food in Western Siberia in the second half of XX – beginning of XXI century. Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Omsk, 2010. 24 p. (In Russ.)

16 Malinovskij L.V. Zhilishhe nemcev-kolonistov v Sibiri [Residence of German colonists in Siberia]. *Sovetskaja jetnografija* [Soviet Ethnography], 1968, no 3, pp. 97–105. (In Russ.)

17 Mih A.N. *Narodnye obyčaj, obrjady, sueverija i predrassudki krest'jan Saratovskoj gubernii. Sobrany v 1861–1888 godah A.N.Mihom* [Folk customs, rituals, superstitions, and prejudices of peasants in Saratov province. Collected in 1861–1888 by A.N.Mihom]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i Komp. Publ., 1890. 155 p. (In Russ.)

18 Smirnova T.B. Obyčaj venčanja pokojnikov u nemcev Sibiri [A custom of wedding of the dead of Germans in Siberia]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2008, no 5, pp. 133–144. (In Russ.)

19 Smirnova T.B. *Nemeckoe naselenie Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX veka: formirovanie i razvitie diaspornoj grupy. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoričeskikh nauk* [German population of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries: formation and development of diaspora groups. Abstract of diss. thesis]. Omsk, 2009. 46 p.

20 Smirnova T.B. *Jetnografija rossijskikh nemcev* [Ethnography of Russian Germans]. Moscow, MSNK-press Publ., 2012. 316 p. (In Russ.)

21 Rublevskaja S. A., Smirnova T. B. *Tradicionnaja obrjadnost' nemcev Sibiri* [Traditional rites of Germans in Siberia]. Omsk, Izd-vo OmGPU Publ., 1998. 154 p. (In Russ.)

22 Filimonova T.D. Ob jetnokul'turnom razvitii nemcev SSSR [On ethno-cultural development of Soviet Germans]. *Sovetskaja jetnografija* [Soviet Ethnography], 1986, no 4, pp. 100–111. (In Russ.)

23 Filimonova T.D. Nemcy [Germans]. *Brak u narodov Zapadnoj i Juzhnoj Evropy* [Marriage in Western and Southern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3–43. (In Russ.)

24 Shishkina-Fisher E.M. *Nemeckie narodnye kalendarnye obrjady, tancy i pesni v Germanii i Rossii: Praktičeskoe posobie dlja rossijskikh nemcev* [German folk calendar rites, dances, and songs in Germany and Russia: A practical guide for Russian Germans.]. Moscow, Gotika Publ., 2002. 328 p. (In Russ.)

25 Shishkina E. M. Nasledie E. V. Gippiusa i problemy izuchenija narodnoj muzykal'noj kul'tury nemcev Povolzh'ja [Heritage of E. V. Gippius and problems of studying folk music culture of Volga Region Germans]. *E. V. Gippius. K 100-letiju so dnja rozhdenija. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 1–3 nojabrja 2003 g.* [E. V. Gippius. On the 100th anniversary of his birth. Conference proceedings, November 1–3, 2003]. Petrozavodsk, Ministerstvo kul'tury RF Publ., 2003, pp. 12–15. (In Russ.)

26 Shishkina-Fisher E. M. *Die deutsche Hochzeit. Nemeckaja svad'ba* [German wedding]. Moscow, Mezhdunarodnyi sojuz nemetskoj kul'tury Publ., 2008. 320 p. (In Russ.)

27 Shishkina E. M. *Tradicionnoe muzykal'noe nasledie volzhskih nemcev v proshlom i sovremennosti. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora iskusstvovedenija* [Traditional musical heritage of Volga Region Germans in the past and in the present. Abstract of diss. thesis]. Saratov, 2011. 47 p. (In Russ.)

28 Jedig H. *Die deutschen Mundarten in der Sowjetunion. Das Wort. Germanisches Jahrbuch DDR-UdSSR*. Zwickau, 1986, pp. 92–97.

29 Schünemann G. *Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland*. München, Drei Masken Verlag, 1923. 446 p.